

Ареопагит, яйцо, распадаясь, освобождает птенца, боб, посаженный в землю и скрытый в ней, становится зачатком растения, и человеческие тела и тела животных, истлевая, дают жизнь насекомым.

Киприан подкрепляет это место ссылкой на Аристотеля: «Аристотель в естественных глаголетъ: в растлении коне — осы бывают, а в вола — пчелы от чрвыи бываема». ⁶⁸

Античный принцип естественной меры, принцип «Ничего лишнего!» стал предметом нескольких глосс Киприана. В одном случае он выносит на поле такую формулу: «Естества же злоба — еже чресьестества». В другом случае Киприан пишет так: «Иному бо существу, рекше огню, горе носитися, се же иному чрезь естество, рекше воде — доле бо той по естеству носитис». Наконец: «Отъчясти же в сущих ова сут комуждо по естестве, ова же чрезь естество. Огня по естестве горе носитися, презьестество ж доле». ⁶⁹

Мы привели здесь только немногие из глосс Киприана. По ним можно судить, с какими философскими комментариями обращался Киприан к тем древнерусским читателям, для которых он сделал список сочинений Ареопагита.

Судя по киприановой оценке русских читателей конца XIV в., сложные вопросы Аристотелевой, Платоновой, наконец, Ареопагитовой философии были им подстать.

Подведем некоторые итоги.

Патристическая литература рассматривалась в древнерусском обществе как философское чтение не в меньшей мере, чем религиозное. Читатель искал в ней ответа на интересовавшие его вопросы общественной, нравственной и духовной жизни. «Патристическим», лучше сказать, вообще священным считался самый факт литературного творчества. В этом свете известные слова Нила Сорского о том, что писаний много, но не все божественны суть, приобретают еще одно новое значение. При таком взгляде на литературу для древнерусского читателя «патристически» осмысливались имена Платона, Аристотеля и других писателей античного (и не античного) мира.

При таком взгляде в патристической литературе искали науку, что, следовательно, делало возможным находить в патристике те элементы античной мысли, которые она включила в себя.

Так патристические сочинения, несмотря на свою неполноценность, становились в древнерусском обществе посредствующей связью с античным культурным миром. Русское общество XIV—XVI вв. проявило сознательный интерес к элементам античного наследия в ранней богословской литературе, в частности к ареопагитским сочинениям. Ввиду этого интереса церковь постепенно становилась в оппозицию к тем из литературных памятников греческого христианского богословия, которые в большей степени, чем другие, были связаны с греческой философской мыслью.

Иными словами, в русской действительности XIV—XVI вв. ранние памятники греческого христианского богословия играли такую же (в принципе) культурно-историческую роль, как например, Псевдо-Дионисий Ареопагит в истории итальянского гуманизма XV в. и в истории грузинского культурного возрождения XII—XIII вв.

⁶⁸ Рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 159.

⁶⁹ Рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 175.